

Глава 42. Беседка на горе Яньшань

Что до Су Цзыяня, от которого давно не было вестей, то начать стоит с того момента, когда он только поступил на службу.

В тот день он отправился в город, чтобы записаться в армию, и путь его пролегал мимо Поместья военного советника Ду Цзитэна. Проходя мимо задних ворот, Цзыянь услышал гнусные, полные похоти выкрики.

Наследник семьи Су не любил совать нос в чужие дела, но при одном условии: если объектом домогательств не была его родная сестра.

Какой-то парень с сальным лицом преградил путь Су Цзычуань. Его движения были вульгарными, а изрыгаемые словечки — одно грязнее другого:

— Ой, поглядите-ка, наша пташка решила остепениться? Учится по рынку ходить да обеды варить? А что же ты свои кофточки с вырезами забросила? Так закуталась, что и посмотреть не на что. А ну-ка, дай я сам проверю... Ха-ха-ха!

С этими словами он бесцеремонно потянулся к груди девушки.

Цзычуань поначалу хотела просто обойти его стороной, не желая связываться. Но не успела она и шагу ступить, как за спиной пронесся резкий порыв ветра, и высокая черная тень метнулась вперед.

Когда Су Цзычуань поняла, что произошло, незнакомец уже мертвой хваткой вцепился в горло наглеца и одной рукой поднял его в воздух.

— Брат! — испугалась она, боясь, что дело кончится бедой. — Со мной всё в порядке, отпусти его!

— Извиняйся! — Су Цзыянь даже не взглянул на неё. Он смотрел сурово, а в его глазах полыхала жажда крови.

— Кх-кх... — парень забился, словно в петле. Ноги беспомощно дрыгались, он выпучил глаза, лицо побагровело, а высунутый язык мешал издать хоть звук.

— Я не стану повторять дважды, — Су Цзыянь сжал пальцы сильнее.

— П-прости... извини...

Цзыянь разжал руку. Тело мешком рухнуло на землю. Парень схватился за шею, заходясь в хриплом кашле и тщетно пытаясь глотнуть воздуха.

— Еще раз посмеешь докучать моей сестре, — ледяным тоном произнес Су Цзыянь, — я изрублю тебя в куски и скормлю собакам.

Су Цзычуань смотрела на брата с нескрываемым восторгом.

— Брат, только сегодня я поняла: среди всех мужчин на свете ты — самый крутой.

— Не паясничай. И чтобы я больше не видел на тебе этих тряпок — всё выбросишь, — строго оборвал её Цзыянь. Но когда сестра виновато опустила голову, он на миг посмотрел на неё с нежностью.

— Кх-кх... вы... вы у меня еще поплачете... — парень, шатаясь, поднялся. Увидев Су Цзыяня, он перекосясь от злости: — Опять ты! Проклятье! За тот раз, когда Ян Ихай избил нас, «Четверку с реки Юшуй», мы еще не рассчитались! Погодите у меня! Всех прихлопну!

Выкрикнув угрозы, он, даже не отряхнувшись, позорно сбежал.

Лишь добравшись до казарм, Су Цзыянь узнал, что побитый им щенок оказался единственным сыном его прямого начальника.

Как говорится, «далекий император не так страшен, как близкий чинуша». А если яблоко от яблони недалеко падает, то чего ждать от папаши такого ублюдка?

Уже на следующий день Су Цзыяня перевели. Его назначили в передовой отряд, отправляющийся в северные степи охранять Великую стену у заставы Шаньхайгуань.

Боясь расстроить близких, Цзыянь не стал писать писем. Он лишь оставил весточку одному верному сослуживцу: если кто-то придет искать — рассказать. А если нет, то и специально докладывать не нужно.

На рассвете третьего дня, подминая сапогами утреннюю росу, Су Цзыянь покинул город вместе с авангардом.

Незаметно подкралась осень. Рисовые колосья на полях оделись в золото, а клены на склонах гор вспыхнули алым пожаром.

Прошло уже больше двух месяцев с тех пор, как Су Цзыянь уехал. К несчастью, в поместье Юй каждый был так занят своими делами, что об этом никто и не догадывался.

Су Цзытянь, промаявшись дома в каком-то оцепенении, однажды бросил короткое: «Не ищите меня», — и исчез. Никто не знал, куда он подался.

Впрочем, дровосеки поговаривали, что в хижине Ду Сяньюня поселился юноша с золотым замком на шее, а вот самого господина Ду с тех пор никто не видел.

После выздоровления Юй Чуцю Ян Ихай превратился в кота, дорвавшегося до сметаны. Днем и ночью он совершал «набеги» на своего возлюбленного, словно боялся, что эта «жирная рыбка» сорвется с крючка.

Юй Чуцю пытался урезонить его, но тщетно. В конце концов, окончательно рассердившись, он перебрался жить в поместье Тиду.

Это несказанно обрадовало Сун Юньфэя, который уже давно вынашивал свои коварные планы. С того дня, как Чуцю поселился у него, командующий Сун фактически забросил службу. Он целыми днями пропадал в задних покоях, благородно прикрываясь предлогом: «Я просто хочу проводить время с детьми».

И пока в одном доме царило веселье, в другом копилась горечь.

Ян Ихай был вне себя от тошноты. В пустом поместье Юй без возлюбленного ему было тоскливо, поэтому он целыми днями неприкаянно бродил по городу.

Каждый раз, проходя мимо заведения для сяогуаней, где работал Жуй Сюэ, он невольно вспоминал их «первый раз»... В душе смешивались восторг и меланхолия, но зла на Жуй Сюэ он больше не держал. В конце концов, тот невольно выступил в роли свахи. Не будь его «помощи», Ян Ихай со своим напором еще сто лет дожидался бы, пока этот книжный червь Юй созреет для брачного ложа.

Скитаясь по улицам, Ян Ихай случайно свел знакомство с опытным моряком. В разговоре тот обмолвился, что лучший шелк в Цзяннани стоит от силы десять лянов за рулон. Но если перевезти его за море, в Африку или Европу, цена взлетает до трехсот лянов.

Это была не просто прибыль — это было чистое безумие.

У Ян Ихая не было особых талантов, кроме житейской хитрости да умения быстро соображать. На следующий же день он с головой ушел в торговлю шелком. Он не был похож на Юй Чуцю или Су Цзычуань, которые за месяц каторжного труда, терпя обиды, получали жалкие копейки. Ихай обладал капиталом и деловой хваткой: он либо не брался за дело вовсе, либо срывал куш в тысячи лянов.

Вскоре он стал сказочно богат, но помалкивал об этом, скрывая свои доходы. Всякий раз, когда Юй Чуцю принимался сводить домашние счета, Ян Ихай бесцеремонно лез к нему с ласками, а пока тот терял голову от поцелуев, тайком подбрасывал в ящик его стола мешочки с серебром.

Наступил праздник Середины осени. Вопреки всем уговорам семейства Сун, Юй Чуцю решил вернуться домой.

Глядя на огни в окнах домов по пути, он чувствовал, что больше не одинок. Увидев на углу Ян Ихая, дожидającego его с «работы», Чуцю ощутил тепло.

В этот вечер полагалось собираться всей семьей, но Ду Цзитэн наотрез отказался отпускать Су Цзычуань. Он буквально запер двери, велел ей приготовить праздничный ужин, и только тогда обещал отпустить домой.

Цзычуань, порядком присмирившая под его гнетом и решившая не спорить ради заработка, молча принялась за дело.

Пока она ощипывала утку, под руку снова вошла та змееподобная куртизанка. Развалившись напротив и лениво щелкая семечки, она издевательски протянула:

— Ой, ты только на себя посмотри... Выглядишь как старая кухарка. Неужто думаешь, что наш молодой господин на тебя позарится?

«Да сдался он мне! Мне император нужен! Пусть сначала восстание поднимет, тогда и поговорим!» — подумала Цзычуань, закатив глаза. Она пропускала болтовню мимо ушей, не достаивая девицу ответом.

В это время она открыла заднюю дверь, чтобы выплеснуть воду, и случайно окатила прохожего.

— Слепла, дрянь?! Кого вздумала обливать! Жить надоело?! — заорал тот.

Цзычуань присмотрелась. Ба, да это же один из той «Четверки с реки Юшуй», которого брат побил за приставания!

Парень поднял голову:

— Опять ты? Да что ж за напасть такая! Всюду мне ваша семейка попадается!

Цзычуань хотела закрыть дверь, но тот преградил путь, навалившись на створку, и снова полез

с сальными шуточками.

— Ты что творишь?! А ну, отойди! — она нахмурилась.

— Повеселимся, красавица, — осклабился парень. — Твой братец укатил в Шаньхайгуань, так что теперь ори не ори — никто не придет на помощь.

— Мой брат в Шаньхайгуани?! — ахнула Цзычуань. — Там же война!

— Ага, маньчжуры — народ лютый. Зря твой брат мне дорогу перешел. Скажу тебе по секрету: мой батюшка лично вписал его в списки Лагеря Авангарда. Два месяца как ушел... Боюсь, не видать тебе его живым.

— Тварь!!

После непродолжительной, но весьма болезненной для обидчика сцены, Су Цзычуань схватила «украшенного» синяками парня за шиворот:

— Тьфу! Пес ты шелудивый! Брат просто не знал, на что я способна, а ты сам напросился. Если бы не Юй Чуцю и мой младший брат, я бы тебя здесь и прикопала! Проваливай!

Вернувшись в дом, Су Цзычуань бросила утку. Она принялась мерить двор шагами, покусывая большой палец. Куртизанка, не понимая, что происходит, хотела было что-то спросить, но Цзычуань заговорила первой:

— Нет! Брат ушел из-за меня. Я должна его найти!

Она решительно направилась к кабинету Ду Цзитэна. Того не оказалось дома. Не в силах ждать, девушка быстро набросала письмо, оставила его на столе, велела старику-слуге передать хозяину и, подхватив свою пипу, выскочила вон. На восточном рынке она выбрала лучшего коня и, подняв облако пыли, исчезла за воротами города.

Час спустя Ду Цзитэн в спешке выбежал из поместья и бросился к пристани, где на повороте столкнулся с Су Цзытянем, которого не видел целую вечность. Узнав о случившемся, Сяо Тянь со всех ног помчался к академии. Там он встретил своих товарищей.

Те ребята хоть и не блистали умом, но за друга стояли горой. Не раздумывая, они выгребли всё из карманов, собирая ему на дорогу. Лишь один щуплый ученик мертвой хваткой вцепился в одежду Су Цзытяня, не желая отпустить.

Панпан и его приятель, всегда опекавшие Сяо Тяня, возмутились:

— Да что между вами такое, что ты так убиваешься?!

Ученик со слезами на глазах взмолился:

— Цзытянь, ты не можешь уйти! Если ты уйдешь, то на последнем месте в списке окажусь я-а-а! У-у-у...

Расставшись с Су Цзытянем, Ду Цзитэн хотел было переправиться через реку, чтобы сообщить новости семье Юй, но окрик: «Слушайте императорский указ!» — заставил его замереть на месте.

В итоге праздник Середины осени Юй Чуцю и Ян Ихай провели вдвоем. Они просидели за накрытым столом до полуночи, но ни один из троих детей Су так и не вернулся.

Чуцю был глубоко расстроен. Ян Ихай, как мог, утешал его:

— Дети выросли. Похоже, теперь нам, старикам, придется доживать век вдвоем.

Затем он подхватил рассмеявшегося Чуцю на руки и унес в спальню — «праздновать». Как именно? Это, пожалуй, скроем за цензурным «мозаикой».

О том, что произошло на самом деле, они узнали лишь три дня спустя. Вести с фронта становились всё тревожнее с каждым часом.

Первой мыслью Юй Чуцю было обратиться к Сун Юньфэйю. Он отправился в поместье Тиду. Чуцю рассудил так: он — учитель его детей, они давно знакомы, и если он попросит, Сун Юньфэй наверняка поможет отозвать Су Цзыня из авангарда.

Чуцю, прожив всю жизнь честно, никогда не искал обходных путей. Он пришел с открытым сердцем и пустыми руками. Однако на его просьбу Сун Юньфэй лишь хранил молчание.

Видя, что тот медлит, Юй Чуцю, переступив через гордость, начал умолять.

Сун Юньфэй неспешно отхлебнул чаю:

— Когда люди приходят ко мне с просьбами, они обычно приносят дары. Ты же пришел с пустыми руками. Если я помогу, какая мне от этого выгода?

Чуцю осекся, он вспыхнул от стыда и неловкости.

Сун Юньфэй усмехнулся и подсел ближе:

— Я всегда знал, что ты прост душой, и что ценностей у тебя за душой нет. Но...

Чуцю уже было обрадован, решив, что господин Сун проявит великодушие, как вдруг тот продолжил:

—...может, ты просто станешь моим? Обещаю, я буду к тебе добр.

С этими словами он бесцеремонно положил руку на бедро Чуцю. Тот в ужасе отпрянул:

— Господин, знайте честь! Я здесь лишь ради обучения ваших сыновей!

Сун Юньфэй лишь рассмеялся и снова полез с объятиями. Он принялся на ходу сбрасывать одежду, повалив Чуцю на кровать и нашептывая всякие гнусности.

Только тогда Юй Чуцю понял, сколь коварно человеческое сердце. Сокрушаясь о своей наивности, он в пылу борьбы нащупал рукой вазу и, не раздумывая, обрушил её на голову Сун Юньфэя. И вновь, в растерзанном платье, он позорно бежал из поместья Тиду.

Когда он, дрожа от рыданий, примчался домой, Ян Ихай был на месте. Увидев состояние любимого, он принялся расспрашивать о причинах. Чуцю, захлебываясь слезами, выплеснул всё, что накопилось в его истерзанной душе.

Ян Ихай побледнел. Он усадил Чуцю, дал ему воды и, обняв за плечи, долго сидел молча, не находя слов от ярости и жалости.

Когда Чуцю наконец затих, Ян Ихай твердо произнес:

— Мы тоже едем.

— Куда? — не понял Чуцю.

— На север, в степи. Раз не получается вернуть его, поедем сами. Нельзя оставлять этих сорванцов на произвол судьбы. — Он ободряюще улыбнулся.

Юй Чуцю не смыкал глаз всю ночь. На рассвете он нашел Ян Ихая, но не успел вымолвить ни слова, как тот опередил его:

— Я же сказал: я тебя не оставлю.

Чуцю замер, а затем крепко сжал его руку.

Пять дней спустя Ян Ихай подготовил повозку и уложил вещи. Когда всё было готово, Юй Чуцю с торжественным видом повел его в родовую кумирню.

Внутри на стенах висели три древних портрета, под которыми теснились поминальные таблички. Повсюду лежал слой пыли, по углам заткала сеть паутина. Кумирня всегда была заперта, и ключ хранился только у старшего внука. Ян Ихай никогда раньше здесь не бывал.

Прикрыв лицо рукавом, он отмахнулся от пыли, закашлялся и с любопытством подошел к картинам.

Средний портрет совсем выцвел — можно было разобрать лишь силуэт почтенного старца.

Левый тоже потемнел. На нем был изображен мужчина лет сорока в алом чиновничьем халате с вышивкой в виде сосен и облаков. В углу красовалась каллиграфическая надпись:

«Шестнадцатый год правления Сюань-цзуна. Тайфу и наставник наследника, Великий секретарь Кабинета и глава Цензурата, 123-й потомок рода Юй — Юй Байлин».

Ян Ихай не разбирался в рангах, но по количеству титулов понял: человек на портрете был величиной огромной.

С любопытством он перевел взгляд на правый портрет. Там был изображен молодой мужчина лет тридцати. Его губы и переносица были точь-в-точь как у Юй Чуцю, а он выглядел глубоко печальным. Подпись гласила просто: «124-й потомок рода Юй — Юй Сяошэн». И больше ни слова.

Пока Ян Ихай разглядывал лица предков, Юй Чуцю зажег три благовонные палочки и со строгим видом опустил на колени.

— Дедушка, отец, — тихо произнес он. — Сын ваш не оправдал надежд. Я уйду в далекие края и в этой жизни не женюсь, не оставлю наследников. Если нам суждено встретиться за гранью, я готов принять любые муки в аду. Сегодня я, Юй Чуцю, клянусь перед вами: во веки веков я не предаю своего Ихая!

С этими словами он совершил три земных поклона.

Ян Ихай слушал это, затаив дыхание. Когда он услышал слова про ад и верность, он прослезился. Он бросился на колени рядом с Чуцю и, запинаясь, заговорил:

— Э-э... я, Ян Ихай... про своих предков я ничего не знаю. Знаю только, что отца звали Ян Цанхай. Матушка так тосковала по нему, что назвала меня Ихай — «Помнящий море». В общем, почтенные предки семьи Юй, я обещаю, что буду заботиться о вашем внуке.

Он приобнял Чуцю за плечи:

— Не беспокойтесь. Я его откормлю, будет у меня как сыр в масле кататься. Куда он — туда и я. Хоть в ад, хоть на край света!

Юй Чуцю посмотрел на него и лишь кротко улыбнулся.

Закончив свою тираду, Ян Ихай победно взглянул на возлюбленного:

— И зачем было давать такие страшные клятвы? Я и так знаю, что я красавец и парень хоть куда. Неужели ты так сильно в меня втюрился, что боишься, будто я упорхну?

— Да, — тихо ответил Юй Чуцю. — Очень боюсь.

Он снова запер кумирню и поддался на уговоры Ихая. По пути к реке он то и дело бросал на него лукавые взгляды, отчего на щеках проступали ямочки. Ян Ихай, облизываясь как кот, вприпрыжку бежал следом.

Вместе они переправились через реку и на повозке покинули Цзяннань.

В то же самое время в западном крыле императорского дворца мужчина в желтых одеждах стоял перед книжным шкафом, не сводя глаз с портрета на стене.

На картине была изображена юная дева. В её чертах утонченность сочеталась с отвагой, а нежность — с горделивой статью. Облаченная в доспехи и верхом на коне, она выглядела как победоносный полководец. А её миндалевидные глаза сияли красотой, способной сокрушить города и царства.

— Ваше Величество, пора на аудиенцию.

Тонкий голос евнуха прервал воспоминания. Мужчина сам снял свиток, бережно коснулся пальцами надписи в правой части и, велел слугам свернуть полотно, вышел из комнаты.

Справа на портрете красной тушью было начертано:

«Повидав бескрайнее море, трудно назвать водой иную влагу; за облаками горы Ушань меркнут все прочие облака. Моей любимой наложнице Ян Жошуй. Написано Чжэн Цинем во время осенней охоты в Мулани, 14-й год правления Сюань-цзуна».

КОНЕЦ ЦЗЯННАНЬСКОГО ЦИКЛА

<http://bllate.org/book/17540/1709599>